

Энтомолог И.М.Кержнер

Изяслав Моисеевич Кержнер (6.03.1936–29.5.2008) – выдающийся отечественный энтомолог, признанный в мире знаток полужесткокрылых насекомых и специалист по зоологической номенклатуре. Он из тех ярких индивидуальностей, в которых талант ученого и преданность науке гармонично сочетаются с редкими душевными качествами – бескорыстием и доброжелательностью. Его жизнь на протяжении полувека была связана с Зоологическим институтом (ЗИНом)*, где он начал работать еще студентом, а к концу жизни стал главным научным сотрудником. Многочисленные ученики, друзья, коллеги, да и все, кому посчастливилось знать Изяслава Моисеевича, нуждались в его советах и теперь остро чувствуют потерю человека и специалиста, вобравшего в себя все лучшее, с чем ассоциируется ЗИН**. Сюда приезжают зоологи со всего мира для работы с коллекциями и литературой, а также чтобы пообщаться с коллегами, окунуться в атмосферу этого старейшего академического института и зарядиться витающими в воздухе идеями. У зоологов-систематиков есть традиционный способ признания заслуг коллеги – присвоение его имени новым видам животных. В честь И.М.Кержнера названо более сотни видов насекомых, один из которых представлен на обложке этого номера нашего журнала.

Фото Д.И.Бермана

* Подробнее об институте см.: Alma Mater отечественной зоологии // Природа. 2002. №8. С.8–48.

** Памяти И.М.Кержнера посвящены публикации в специализированных журналах его учеников и коллег. См. например: Емельянов А.Ф. // Энтомологическое обозрение. 2009. Т.88. №1. С.194–200; Гапон Д.А. // Кавказский энтомологический бюллетень. 2008. Т.4. Вып.3. С.253–392.

П.П.Стрелков,
кандидат биологических наук
В.Г.Кузнецова,
доктор биологических наук
Зоологический институт РАН
Санкт-Петербург

Желание стать энтомологом, как вспоминал сам Изяслав Моисеевич, а для нас просто Изя — добрый друг и коллега, пришло к нему еще в школьные годы после находки на чердаке потрепанной немецкой книги, посвященной насекомым. Преодолев трудный готический шрифт, он ее изучил и всерьез, на всю жизнь, заинтересовался миром шестиногих.

Родился Изя в Днепропетровске, во время войны оказался в Омске, среднюю школу окончил в 1953 г. в Черновцах. Дальнейшую его судьбу определила приемная комиссия престижного московского вуза: окончившего школу с медалью парня не приняли в МВТУ им.Н.Э.Баумана по пресловутому пятому пункту анкеты (национальность). После этого он, не огорчая мать, видевшую его инженером, смог поступить на биологический факультет Кишиневского университета. Без колебаний Изя выбрал кафедру энтомологии и занялся изучением жуков Молдавии, но через два года кафедру закрыли. Кержнер разослал в другие университеты страны запрос о возможности перевода, но ответ получил только из Ленинграда. А.С.Данилевский, талантливый энтомолог и отзывчивый человек, по письму угадал перспективного студента и пригласил его к себе. В те годы кафедра энтомологии Ленинградского университета готовила молодых специалистов для работы в Зоологическом институте АН СССР (ЗИНе), в их число попал и Кержнер. Судьба его сложилась счастливо — он стал жителем любимого им Ленин-

града—Санкт-Петербурга и, главное, получил работу в «Мекке» энтомологов-систематиков нашей страны.

Свое образование Изя продолжил в ЗИНе. Важную роль в его формировании как ученого сыграли, по его признанию, коллективные походы в ближайшую столовую. Многие годы институтская молодежь ходила обедать всегда дружной стайкой. Сходились вместе люди разных интересов, во время трапез бурно обсуждались и новости биологической литературы, и собственные научные идеи. В такой неформальной обстановке было некое стесняться, и обеденные дискуссии принесли их участникам великую пользу.

В представлении непосвященных, энтомологи несут печать литературных героев Жюль Верна — Паганеля и Кузена Бенедикта. С этими учеными-чудачками Кержнера роднили только обширность знаний и фанатичная преданность любимому делу. Современная систематика насекомых — серьезная и сложная наука, призванная выявить многообразие этой самой обширной на земле группы животных. Выдающиеся способности Кержнера — строго логический склад ума, великолепная память, знание иностранных языков (основных европейских, а также латыни), редкая добросовестность и поразительное трудолюбие — позволяли ему работать в этой области с высочайшим профессионализмом.

По узкой специальности Кержнер был знатоком обширной и широко распространенной группы полужесткокрылых насекомых, или клопов (отряд Heteroptera). Ученых его типа, посвятивших жизнь систематике мало известной группы жи-

вотных, в мире единицы. Они уникальные специалисты, другие зоологи обращаются к ним за консультациями. Как правило, это энтузиасты, которые самоотверженно занимаются своим делом и не ждут от общества ни признания, ни благодарности, особенно если объекты их внимания не относятся к явно полезным или вредным для человека организмам. Их вечно преследует недоумение обывателя: зачем тратить талант ученого на изучение таких «бесполезных» животных. Попробуем объяснить это в самой общей форме. Для фронтального познания природы недопустимо существование «белых пятен». Дело не только в безграничной любознательности ученых. В любой неизученной группе живых существ могут скрываться важные, доселе неизвестные свойства и явления, необходимые для целостного понимания жизни на Земле и истории ее развития.

В задачи систематика входит всестороннее изучение избранной группы животных: выявление их видового разнообразия, вероятных путей эволюции и родственных взаимоотношений, на основании чего виды группируются в таксоны более высокого ранга. Важнейшая обязанность систематика — найти признаки различий между видами, создать специальные таблицы (ключи), позволяющие их определять. Для Кержнера эти задачи затруднялись очень слабой изученностью и колоссальным видовым разнообразием клопов, которых в фауне бывшего СССР более 5 тыс. видов. Держать в памяти одни только их названия может либо компьютер, либо... систематик-энтомолог.

Предпринимая ревизию полужесткокрылых насекомых фа-

© Стрелков П.П., Кузнецова В.Г., 2009

При написании очерка авторы консультировались с М.М.Фаркой, А.Ф.Емельяновым, В.Б.Голубом и Д.А.Гапоном.

Студент. 1956 г.

Здесь и далее фото
из семейного архива

уны СССР, Кержнер и его ученики исследовали не только традиционные морфологические признаки насекомых, но и строение их копулятивных органов, отчасти также внутреннее строение репродуктивной системы и цитогенетические особенности. Успех работы обеспечивался и новыми, очень обширными коллекционными материалами,

собранными их стараниями едва ли не со всей территории нашей страны.

По результатам этих исследований были написаны пространственные разделы по полужесткокрылым в фундаментальных многотомных изданиях «Определитель насекомых европейской части СССР» и «Определитель насекомых Дальнего Востока СССР», а также множество более частных работ по Средней Азии, Казахстану, Сибири и Монголии. В итоге инвентаризация фауны клопов огромного региона близка к завершению, а всестороннее изучение этих насекомых поднято на неизмеримо более высокий уровень. Не ограничиваясь фауной СССР и сопредельных стран, Кержнер участвовал в составлении каталога полужесткокрылых всей Палеарктики, где их найдено более 8,5 тыс. видов, а также занимался систематикой и филогенией некоторых групп клопов из других зоогеографических областей.

Особой любовью Изи пользовались хищные клопы семейства Nabidae, их исследование отражено сначала в его кандидатской диссертации (1965), а затем и в докторской (1990).

Этому семейству посвящен отдельный том серии «Фауна СССР» (1981), который считается образцом монографии такого рода. В общей сложности перу Кержнера принадлежит 276 публикаций, среди которых не только специальные работы, но и статьи по общим вопросам систематики. У зоологов считается почетным описание новых видов и таксонов более высокого ранга. Достижения Кержнера в этом плане достойны удивления: им описано 358 новых видов и выделено 33 новых рода клопов.

Учителем Кержнера был известный энтомолог, путешественник и выдающийся коллектор Александр Николаевич Кириченко. Он был уже очень стар, и ходил по институту, держась за стены. Изя почитал и любил своего учителя, в его отношении к нему совершенно отсутствовала снисходительность молодого человека к слабостям дряхлевшего мэтра. Под влиянием Кириченко Кержнер стал знатоком истории изучения энтомофауны русскими путешественниками и навсегда усвоил глубокое уважение к коллекционному делу. Сохранение, разбор и расширение коллекций он считал своей почетной обязанностью. По примеру учителя, Изя обогатил энтомологическую коллекцию ЗИНа новыми обширными сборами, сделанными им в экспедициях не только на территории бывшего СССР, но и в Монголии, на Кубе, в Мексике и Израиле, помнил десятки имен предшествовавших ему коллекторов и маршруты их путешествий. Чувство преемственности очень важно в коллекционной работе, и Кержнер был одним из его носителей.

Другая область интересов Изи — зоологическая номенклатура, правила именования животных. Ввиду того, что одно и то же животное могло быть описано в разное время и разными авторами под разными названиями, а разные живот-

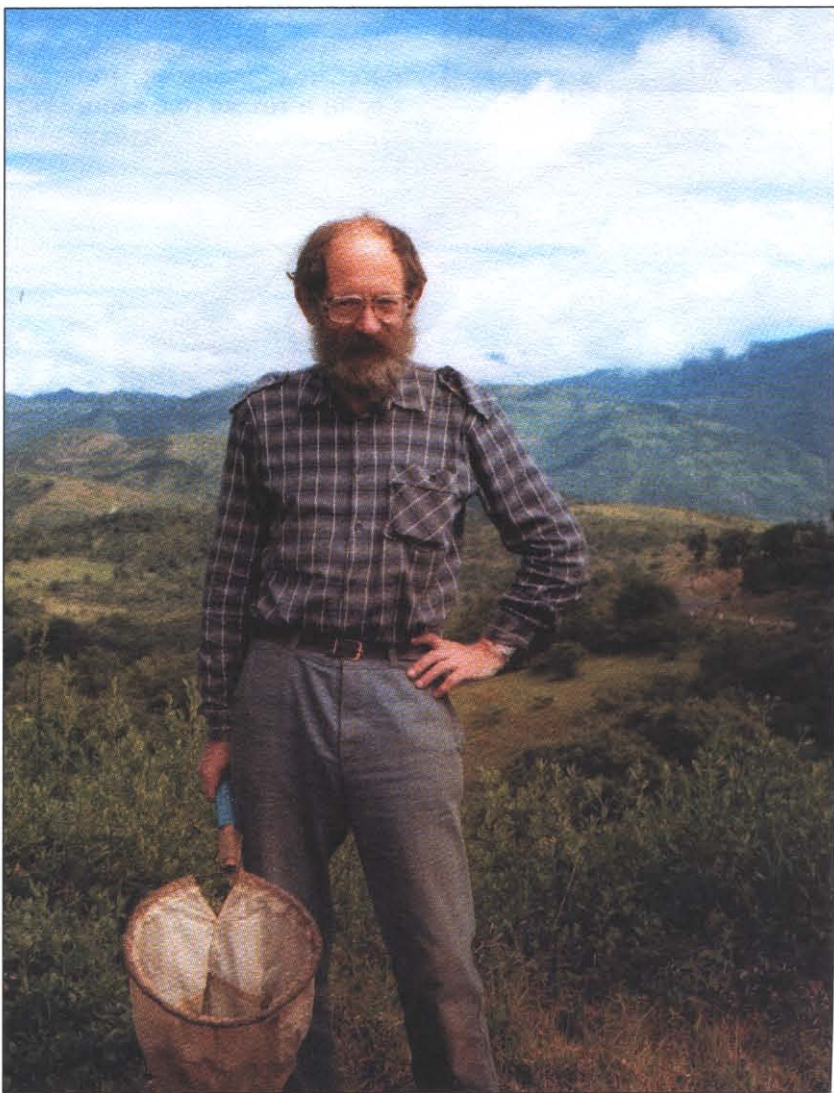
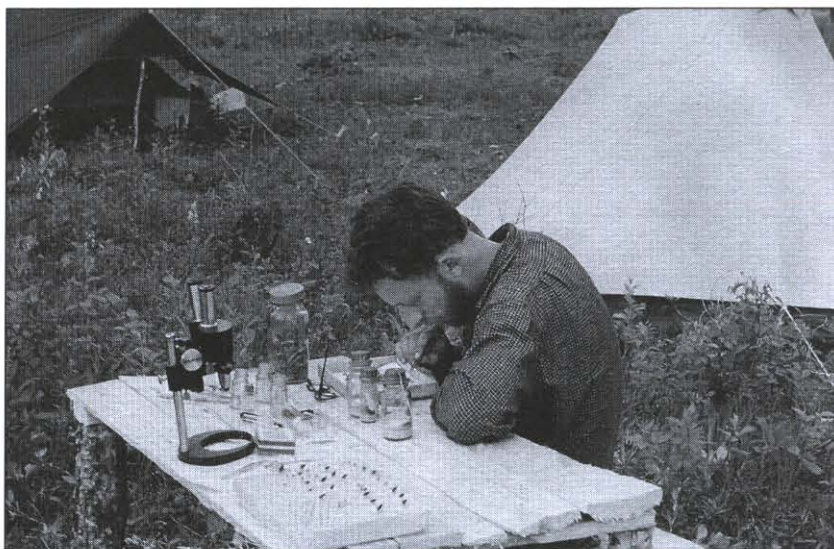

На юбилей учителя — А.Н.Кириченко. 1957 г.

ные — под одним именем, разобраться в этом бывает иногда крайне трудно. Для установления истины требуется свод четких, обязательных для всех правил, в выработке и пропаганде использования которых и принимал участие Кержнер. В течение многих лет он был представителем нашей страны в Международной комиссии по зоологической номенклатуре. Особая заслуга Кержнера перед зоологическим сообществом — перевод на русский язык «Международного кодекса зоологической номенклатуры», который выдержал уже два издания и стал настольной книгой каждого систематика.

Существуют ученые двух типов: одни заняты исключительно своими проблемами и ничего другого делать не желают, другие взваливают на себя множество посторонних нагрузок. Кержнер был ярким представителем второго типа. Традиционная систематика — занятие сугубо индивидуальное, обычно оно не требует коллективной работы. Однако оставаться в рамках только своей личной темы Изи не умел. По его инициативе специалисты по полужесткокрылым насекомым из разных стран мира объединились для составления коллективных монографий, причем Кержнер собирал, редактировал, а часто и переводил материалы разных авторов. Он же был постоянным участником или организатором международных симпозиумов и совещаний. Все это отнимало массу времени и сил, но широкие личные контакты близких по интересам ученых оказывались очень плодотворными. Функции организатора науки, которые Кержнер на себя взваливал, высоко ценили работавшие параллельно с ним специалисты.

Очень много времени отнимала у Изи помощь близким и дальним коллегам: как бы он не был занят, каждый обратившийся за консультацией мог рассчитывать на его внимание.

В экспедициях: в Амурской обл. (вверху) и Мексике. 1959 г. и 1980 г. соответственно.

Конец 60-х годов.

Множество зоологов разных специальностей приезжали советоваться с Кержнером по каверзным вопросам зоологической номенклатуры. Он просиживал с ними многие часы в библиотеке, сам увлекался чужими проблемами, иногда производил собственные изыскания по их темам и сообщал потом результаты уже давно уехавшим специалистам.

Иногда выяснение истинного названия и установление автора той или иной формы напоминало детективные истории. По номенклатурным законам приоритет имеет то название, которое опубликовано и стало известно специалистам раньше прочих. Случалось, что животное было описано в разных статьях под разными именами в один и тот же год, а иные указания на время публикации

в старых журналах отсутствовали. В таких трудных случаях Илья пытался выяснить, какая из статей была раньше получена редакцией. Он добывал древние справочники, по ним вычислял, как долго мог идти корабль, доставивший статью из Австралии, Америки или Индии, и на этом основании решал, какое из названий валидно (действительно). Кержнеру многократно советовали ограничить деятельность всеобщего консультанта, но тщетно. Помогать ближним и дальним ему просто нравилось, он считал это своей почетной обязанностью.

Илья был великолепным знатоком энтомологической литературы, много сил и времени он отдавал комплектованию институтской библиотеки. Им проведена трудоемкая работа по уточнению каталогов, в первую оче-

Клоп-кружевница, описанная и названная в честь И.М.Кержнера его учеником В.Б.Голубом — *Dictyonota kerzhneri* Golub, 1975 (крайний справа) и типовые экземпляры клопов из коллекции ЗИНа, описанные Кержнером: *Urostylis trullata* Kerzhner, 1966 — вид семейства Urostylidae (крайний слева) и *Prostemma guttula asiaticum* Kerzhner, 1968 — подвид семейства Nabidae. *D.kerzhneri* описан по экземплярам, собранным в северной и южной частях пустыни Кызылкум: в Кызыл-Ординской обл. Казахстана в развалинах селения Шырыкрат (коллектор И.М.Кержнер, 1966 г.) и в Узбекистане, в 25 км севернее пос.Аякгужумды (коллектор А.Ф.Емельянов, 1965 г.).

Фото В.А.Агеева и Д.А.Гапона

редь важных для номенклатурных решений точных дат выпусков всех периодических изданий ЗИНа и Зоологического музея. Благодаря широким личным связям ему удавалось получать для библиотеки отсутствующие зарубежные издания и заполнять лакуны — недостающие номера журналов или пропущенные тома в сериях. Он не чурался при этом всей трудоемкой технической работы, начиная от ведения переписки до получения книг и их доставки. Сотрудники библиотеки его обожали, считали своим, а теперь говорят, что без него осиротели. Это чувство, впрочем, испытывают все, кто имел дело с Изей.

Еще больше времени отнимала у него редакционно-издательская работа. Его усилиями были изданы 11 томов сборников «Насекомые Монголии». Последние годы жизни он был занят выпуском институтского журнала «Zoosystematica Rossica» на английском языке. Почти в одиночку он выполнял функции составителя, редактора, корректора и организатора проверки качества английских переводов, ведал распространением журнала и вопросами его реализации. Передать эти обязанности более молодым сотрудникам не удавалось: те немногие, кто мог его сменить, справедливо требовали дополнительной оплаты, на что не соглашалось начальство, бессребреник же Кержнер тянул воз даром.

Зачем он брался за столько разных дел, отвлекавших его от собственной, очень любимой работы? Это был его свободный выбор. Слишком многое казалось Изе важным и интересным, требовавшим его личного участия. Он любил библиотеку и книги, а создание первого в институте международного журнала его, несомненно, увлекало. За всем этим стоял и другой вопрос: «Если не я, то кто же будет этим заниматься?». Выбор определялся потребностью Кержнера быть полезным людям, его научно-общественная работа

За работой с коллекциями. 1971 г.

Здесь и далее фото из семейного архива

В Национальном музее естественной истории (Вашингтон) с американским коллегой Т.Генри. 1998 г.

отвечала этой стороне его натуры. Единственное, чего он всегда избегал, это быть «начальником», большим или малым.

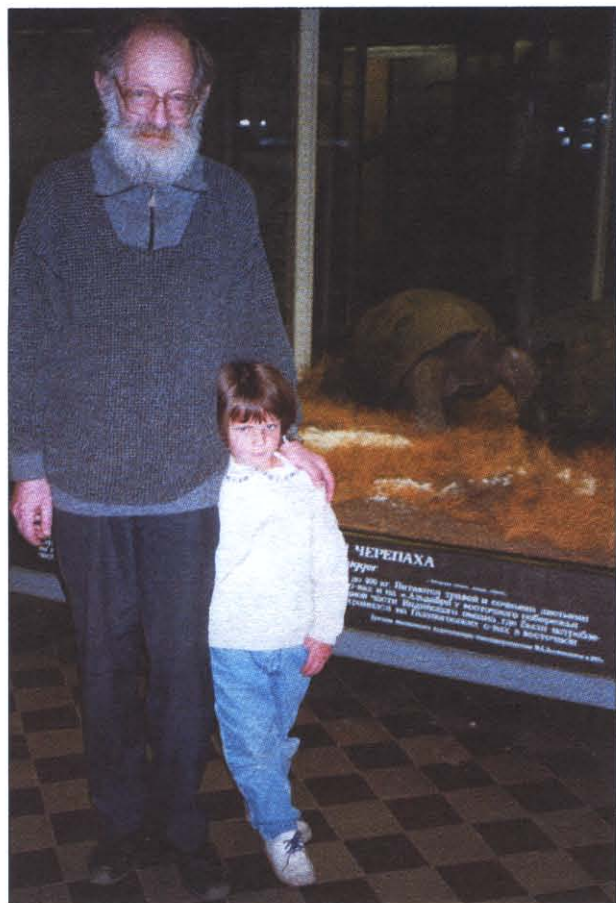
Очевидно, что за помощь коллегам можно получать благодарности, но не славу ученого. Нам кажется, Изя был лишен тщеславия, он просто добросовестно делал то, что считал нужным, и мало заботился о личной славе. В среде ученых, как и других творческих работников, нередко возникают недоразумения — споры о приоритете, обиды за некорректное использование чужих данных, приписки сторонних имен к числу авторов публикаций и прочее. К очень чуткому к несправедливости и обману Кержнеру нередко ходили жаловаться на недобросовестность коллег, но от

самого Изя мы никогда не слышали о подобных обидах. Похоже, что он был выше этого.

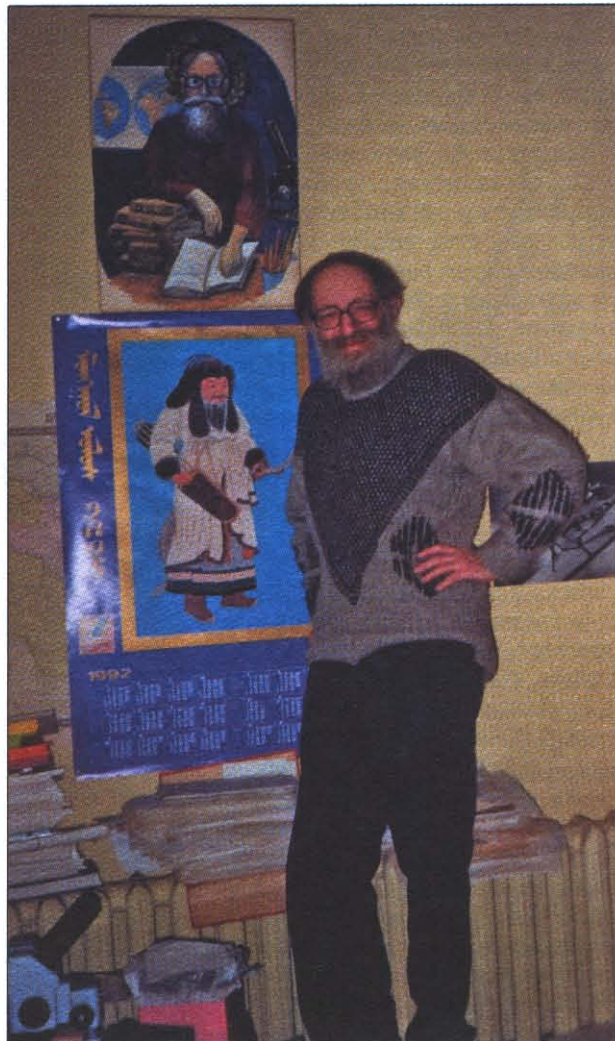
Вот пример отношения Изя к своим и чужим научным результатам. Одна из коллег предложила ему быть соавтором и дополнить ее большую работу, на что он охотно согласился. Неожиданно из зарубежного журнала пришла на рецензию статья на сходную тему. Первой реакцией Кержнера было отказаться от запланированной публикации, так как чужая статья завершена раньше. Коллега же обратила внимание, что статья «соперников» уступает их материалу по широте охвата проблемы и содержит множество ошибок. После долгих уговоров Кержнер согласился, что напечатать можно обе статьи, одна-

ко настоял, чтобы исправить в конкурирующей работе все замеченные недочеты. Его не заботило показать, что его собственная статья лучше чужой, ему казалось важнее, чтобы обе они были равно полезны для науки.

Особое место в биографии Кержнера занял период, когда он участвовал в распределении средств, выделенных в начале 90-х годов известным меценатом Дж.Соросом для поддержки зоологов и ботаников, занимавшихся в СССР проблемами биоразнообразия. Помощи с таким целевым назначением добился от благотворителя Н.Н.Воронцов, убедивший Кержнера, известного своей порядочностью и справедливостью, возглавить это дело. Работа была трудная, из большого числа желающих

В родном ЗИНе — с внучкой Сашей в музее и в лаборатории рядом со своим портретом, написанным к юбилею Кержнера его коллегой Н.Захаровой. 2001 г. и 1990-е годы соответственно.

нужно было выбрать тех претендентов, которые отвечали поставленным требованиям, вместе с тем хотелось предоставить помощь возможно большему числу людей. Составлялись списки из многих сотен имен, деньги выдавались без помощи бухгалтерии и кассиров. Сравнительно небольшие суммы полученных долларов казались в то нищее время состоянием и позволяли одним обзавестись первым компьютером или нужными книгами, другим — детской одеждой. Изя навсегда сохранил чувство благодарности и уважения к Соросу. Его возмущало, что имя благотворителя подверглось потом поношению и грязным обвинениям со стороны наших «патриотов-государственников», хотя именно они, а не американец Сорос, должны были поддерживать едва теплившуюся в стране науку.

В течение многих десятилетий рабочий день Кержнера заканчивался в восемь часов вечера — позже оставаться в институте запрещалось. Обычно он уходил с набитым портфелем и продолжал работу дома. Отпуск Изя проводил за рабочим столом в институте, и в этом не было ничего жертвенного — отдыхать он не умел, а, будучи вывезенным семьей за город, через пару дней начинал скучать и сбегал, стосковавшись по работе.

Иногда Изе приходилось знакомить с природой и насекомыми окрестностей Петербурга гостей-иностранцев. Он не любил это занятие и водил приезжих всегда в одно, легко доступное место — к озеру Разлив и шалашу Ленина. «Кержнер опять на Ленинской тропе» — шутили в институте.

Заботы о личном благосостоянии были глубоко чужды Кержнеру. Он был совершенно равнодушен к одежде и без вмешательства домашних женщин с удовольствием не менял бы ее вплоть до полного истления. Жилищный вопрос удачно решился наличием весьма скром-

В ЗИНе с Л.И.Подгорной (стоит рядом с И.М.) и учениками — Е.В. Канюковой и Д.А.Гапоном. 2005 г.

ной квартиры у жены Риты. Нужно вспомнить, что Изя начинал жизнь в Ленинграде иногородним студентом, не имевшим места в общежитии. Он «снял угол» в комнате, где жил вместе с хозяевами. Одно из ярких воспоминаний того времени —

в квартиру, в которой ютился Изя, ночью нагрянула милицеская проверка. Жизнь без прописки тогда строго каралась, он спрятался под стол, застеленный низко свисавшей скатертью, и милицеские сапоги едва не касались его лица. Перенесен-

С женой Маргаритой Мироновной и дочерьми Лильяной и Ольгой. 2002 г.

На юбилее в ЗИНе с коллегой В.В.Злобиным (с гитарой). 90-годы.

ные смолоду трудности не научили Изи ценить комфорт, к проблемам быта он относился безразлично. Для него было важно наличие минимума удобств и места для работы, остальное его не волновало. Жена утверждает, что по своей воле молотка в руки Изи никогда не брал. Если

она ставила ему конкретную задачу и бдительно следила за ее исполнением, он мог прекрасно справиться с любой домашней работой, но инициативы никогда не проявлял — он просто не замечал бытовых проблем.

Преображался он в экспедициях. Там он не чурался любых

хозяйственных дел, включая приготовление еды, починку чужой обуви или очков. Все, кто работал с ним в поле, говорят, что такого заботливого, всегда готового к помощи товарища найти было трудно. Запомнился рассказ нашего экспедиционного шофера: когда закончилась одна из энтомологических экспедиций, спешившие домой участники сразу разъехались, водителю же предстояло несколько дней провести одному, что было неудобно и скучно. Кержнер не меньше других стремился вернуться в Ленинград, но он единственный пожалел парня и добровольно остался с ним ждать сменщиков.

Разное поведение Изи в экспедиции и дома, казалось бы, говорит о двойном стандарте, который он позволял себе по отношению к окружающим. Думается, что дело в ином. В экспедициях, резко меня обстановку, Кержнер освобождался от постоянных мыслей о рабочих институтских делах, в которые он был постоянно погружен в городе. Эти мысли и заботы заслоняли для него все остальное, в том числе и семейно-бытовые проблемы. По этой же причине с Изей не всегда легко было общаться. Обычная болтовня «за жизнь» его занимала мало, он вежливо выслушивал собеседника, но поддерживал разговор вяло. Стоило затронуть интересную для Изи тему, как он преобразался. Ему было свойственно редкое умение интересно рассказывать, а обширные знания и великолепная память позволяли говорить на многие темы, далекие от его научных интересов. Тогда становилось понятно, что Изи, при его кажущейся узости, широко образован. Его особенно привлекала история, жизнь известных ученых и судьбы их открытий.

Почти маниакальная поглощенность Кержнера работой ярко проявлялась во время зарубежных командировок, которых в последние 20 лет его жизни было немало. По приглашению

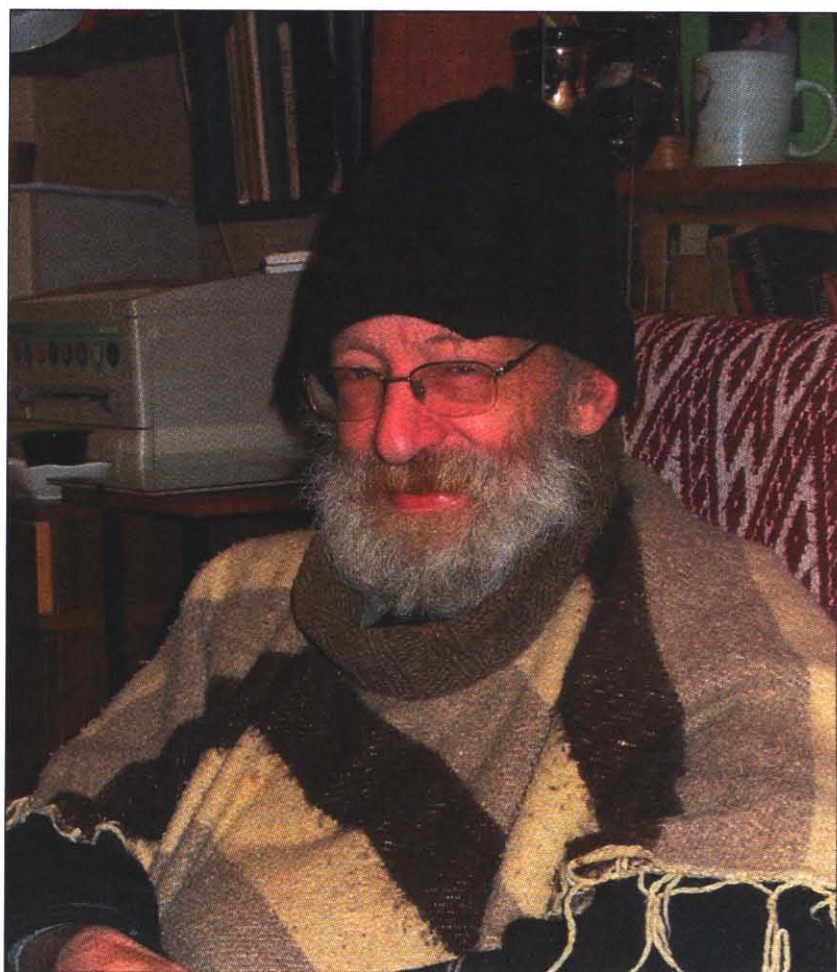

Дома и тоже за работой. 2006 г.

французов он ездил в Париж с женой, и мы основываемся на ее рассказах. Хозяева выдали Изе ключи от музейных помещений, и он был волен приходить и уходить по своему желанию. Рита побывала за время поездки и в Лувре, и во многих прочих музеях, знакомилась с исторической частью Парижа, заглянула, как положено даме, и в магазины. Кержнер не ходил никуда, с утра и до ночи он сидел над коллекцией насекомых. То же повторилось в Нью-Йорке: кто-то из знакомых вытащил Кержнера осмотреть знаменитую экспозицию Музея естественной истории, но все остальное время он провел за изучением коллекций. Будучи почетным гостем Академии наук Кубы, Изя избегал предусмотренных посещений фешенебельных пляжей и курортов, а брал сачок и отправлялся ловить местных насекомых. Подобным образом он вел себя и в других поездках. Можно ли это назвать односторонностью интересов ученого? Отчасти да, но правильнее говорить о строгом соблюдении им приоритета нужного над необязательным, на все времени хватить не могло.

Увлеченность Кержнера наукой принимала подчас анекдотический характер. У зоологов существует правило: после латинского названия животного указывается фамилия и первая буква имени впервые описавшего его автора. Когда у Изя родилась дочка, жена предложила назвать ее Инной. «Ни в коем случае, — возразил счастливый отец, — если она станет энтомологом (возможно, он об этом мечтал) и будет описывать новые виды насекомых, одинаковость инициалов не позволит нас с ней различать». Девочку назвали Ольгой, но энтомологом она не стала.

Постоянная погруженность в рабочие дела не мешала Кержнеру любить хорошую компанию. В его радушный и гостеприимный дом неизменно приглашались все приезжавшие из провинции или из-за границы

Доброжелательность — главная черта Изя. 2006 г.

Фото Д.И.Бермана

коллеги вместе с институтскими сослуживцами (без учета табели о рангах), на семейные праздники собирались друзья. Одно из главных удовольствий на этих сборищах доставляло пение. Изя обладал сильным красивым голосом, знал множество песен, и с большим удовольствием выполнял обязанности запевалы, да и главного исполнителя. Пелись больше народные (особенно Изя любил украинские) и бардовские песни (Окуджавы, Галича, Визбора), иногда Изя в паре с женой замечательно исполняли грустно-радостную «Тум-балалайку». Горько сознавать, что никогда больше нам не услышать их дуэта!

В молодости все мы были веселые и любили шутки, Изя не

был исключением. Помнится, как накануне советского праздника Дня конституции выпал глубокий снег, и всех молодых мужчин выгнали с лопатами очищать тротуары вокруг института. Появилась возможность развлечься, и мы слепили огромную, в два человеческих роста бабу, не пожалев снега на ее грандиозные формы. Изя мгновенно сочинил шуточные стишки, оглашенные им при общем ликовании на шутовском открытии «памятника»: «Хвала рабочим-исполинам и зодчим, славою увенчанным! Привет строителям-мужчинам, создавшим эдакую женщину! Она стоит как символ гордый, во славу нашей Революции. Какая статья! Какие формы! Какая, братцы,

Конституция!». Изин экспромт доставил нам такое удовольствие, что он сохраняется в памяти без малого 40 лет.

К людям Изя относился всегда благожелательно, но если кто-либо ронял себя в его глазах, старался не иметь с ним дела и весьма неохотно менял мнение о таком человеке. Ему была свойственна удивительная деликатность, даже неприятные сведения он умел преподнести так, что его собеседник не обижался. Конфликтов Изя избегал, что при снисходительном отношении к людям ему обычно удавалось, но по принципиальным вопросам твердо отстаивал свою точку зрения. В ярость его приводили неблагоприятные (с его точки зрения) действия институтской администрации. Трезво оценивая свою заметную роль в жизни института и будучи бессилён изменить ситуацию, он грозил порой в знак протеста уволиться и уехать за границу. Все это, однако, были слова. Изя слишком любил свою работу, свои лекции, да и сам институт, каким он его в идеале представлял, чтобы расстаться со всем этим по собственной воле.

Кержнер был очень щедрым и не корыстным человеком. При его первых зарубежных поездках, когда командированных оплачивали сертификата-

ми, он широко раздавал их тем, кто особенно нуждался. При распределении денег, получаемых по грантам, его главной заботой было не обидеть кого-нибудь, не взять себе больше, чем получали другие. Когда Кержнер смертельно заболел, нужных для дорогостоящего лечения средств в семье не оказалось. На покупку лекарств по своей инициативе собрали и прислали деньги зарубежные коллеги. Изя это было крайне неприятно, близкие лишь с трудом убедили его принять помощь, что позволило на несколько лет продлить его жизнь. От денег, собранных земляками, живущими на нищенские зарплаты, он категорически отказался.

Кержнер был богато одарен природой. Даже его внешность — высокий рост, стройная фигура и красивая борода — сразу вызывала симпатию и запоминалась. Был случай, когда Изю остановили на улице незнакомые киношники и упростили сниматься в фильме об академике И.П.Павлове в ампула русского ученого-демократа, его можно увидеть в этой старой ленте. Кержнеру была свойственна особая аура, он как бы распространял вокруг себя волны доброжелательности, которые чувствовали даже незнакомые ему люди. В последние месяцы жизни, когда

Изе было уже совсем плохо, он сумел обаять персонал больницы, где лечился: для врачей, сестер и уборщиц «наш академик» стал любимым больным.

Редкие душевные свойства Изю — доброта, бескорыстие, всегдашняя готовность помочь и глубочайшая порядочность — были достойны только восхищения. Он был одним из самых замечательных людей, встреченных нами в жизни. О близких, ушедших в мир иной, у нас принято говорить только хорошее. Мы не хотели следовать этой традиции и пытались найти в воспоминаниях разных людей о Кержнере что-нибудь порочащее, принижающее его образ, но не смогли — он был действительно, по большому счету, светлый человек.

Мы не боимся назвать Изю высоким старинным словом — Праведник. Все мы, его друзья, должны быть счастливы, что многие годы работали и жили рядом с таким удивительным человеком, само существование которого наглядно убеждало, что Добро может быть нормой жизни.

Об уходе Изю Кержнера из жизни скорбим не только мы, его друзья и сослуживцы. Ниже приводятся выдержки из откликов на его смерть зарубежных коллег. ■

«Мы потеряли не только одного из лучших, всемирно известных энтомологов, но также коллегу, обладавшего столь многими лучшими человеческими качествами.»

Майк Вильсон (Англия)

«Скорблю о потере одного из лучших людей, которых я встречал в жизни.»

Гарри Брайлоски (Мексика)

«Никто, обратившийся с просьбой к Изю, не знал отказа в помощи и совете. Это был большой настоящий человек.»

Игорь Лопатин (Беларусь)

«Я никогда больше не увижу мягкой улыбки Изю, моего великого названного отца из России...Блудный сын из страны набожных буддистов молится о том, чтобы его чудесная душа обрела покой.»

Томохиде Ясунага (Япония)

«Он отправился в последнее путешествие, не оставив нам адреса. К кому теперь обращаться за помощью?»

Ваньчжи Цай (Китай)

«Он нес в себе столько замечательных человеческих качеств...»

Жан Перикар (Франция)